

Иньтоу, внук старой тётушки, сидел на пороге абсолютно лысый и, уплетая варёный батат, весело скалился на плачущую навзрыд двоюродную сестру. Девчушка ревела так, что едва воздуху могла набрать. Гоудань подошёл сзади и отвесил мелкому лёгкий подзатыльник.

— Чего лыбишься? Бабка твоя где?

— Ай, дядя Гоудань, за что? — обиженно заныл малец, потирая макушку.

— А тебе-то что? У меня к твоей бабке дело, так что поменьше любопытствуй, мал ещё.

— Подумаешь, — буркнул Иньтоу, — я всего-то на два месяца тебя младше. Бабушка! К тебе дядя Гоудань пришёл!

Несмотря на ворчание, Гоуданя он побаивался. Это раньше его старший брат, Цзиньтоу, задира нос и вечно лез к Гоуданю с кулаками — просто из зависти, что бабка порой подкармливала сироту. Но прошлым летом Гоудань так разукрасил старшего, который был на два года его старше, что тот до сих пор при одном виде кузена зубы заговаривал. С тех пор Цзиньтоу притих. А уж младшему Иньтоу и подавно не хотелось огрести. Сжавшись, он вытянул шею и истошно завопил на весь двор.

Гоудань подошёл к ревушей девчушке.

— Брат Минъюань, ты чего это племянницу под ноль стрижёшь? — удивился он. — Иньтоу вон тоже лысый сверкает. Вы что, всей семьёй в монастырь податься решили? Ха-ха-ха!

По возрасту Гоудань годился детям Минъюаня в ровесники, но по деревенскому уставу и кровному счёту приходился им дядей: Минъюань был третьим сыном старой тётушки, так что звать его приходилось братом.

Минъюань досадливо зыркнул на него:

— Вши одолели! Девка целыми днями башку чешет, твари из неё все соки выпили, погляди, кожа да кости остались. Как тут не обрить?

С этими словами он снял бритвой очередной локон и швырнул остриженные волосы вместе с густыми гроздьями гнид прямо в топящуюся печурку. Раздался противный треск — это в огне лопались разжиревшие насекомые и их яйца, а по избе пополз удушливый, едкий смрад.

— Сиди смирно, не егози! — прикрикнула вышедшая из пристройки жена Минъюаня, ткнув дочку пальцем в лоб. — Разорялась тут! Будешь вертеться — ухо отрежем. Сколько раз говорено: не водись с паршивыми девками! Сами вшами обросли, так ещё и на взрослых перекинули. Нам теперь кто их выводить будет, а?

Голова хозяйки была туго повязана платком, из-под которого пахло химией. Похоже, она уже намазала волосы дегтярным мылом или дустом. Гоудань знал эту отраву — белая, похожая на

школьный мел крошка, которой засыпали затылки. Этим порошком густо обсыпали кожу, укутывали посильнее, чтобы твари задохнулись вместе с гнидами, а потом смывали. Средство помогало безотказно.

Минъюань, глядя на злую супругу, лишь усмехнулся. У него самого стрижка была короткая, но заразу он тоже подцепил — спали-то на одном канге.

— В прошлом году только всю избу вывели, а нынче опять притащили. Пускай походят лысыми, авось ума прибавится.

Минъюаню, как простому мужику, было не понять девичьих слёз по косам. Подумаешь, обрили — вырастут! А девчушка тем временем захлёбывалась рыданиями. В таком возрасте даже малявки начинают заглядываться в зеркало, а тут — сверкать голой тыквой, как коленка. Но плачь не плачь, а тяжёлая рука отца довершила дело: последние вихры пали на землю. Мать тут же нахлобучила на свежесбриту голову дочки старый тряпичный чепец.

— Утри сопли! Будет тебе наука на будущее.

— Вот-вот, — поддакнул невесть откуда взявшийся Инъю. — Лысым быть здорово, ветерок макушку холодит!

Услышав это, девочка взвыла с новой силой. Какая приличная девчонка захочет выглядеть в точности как этот оболтус!

— А ну брысь отсюда! — прикрикнул на него Минъюань. — Иди бабку позови, видишь, к Гоуданю она.

Инъю со смехом припустил со двора. Минъюань же повернулся к Гоуданю:

— Мать-то глуховата стала на ухо, сразу не разберёт, кто орёт. Небось на заднем дворе в грядках ковыряется. Ты к ней по какому делу?

Тем временем на освободившуюся табуретку уселся следующий малец — очередной призывник в лысую рать. Гоудань оглядел очередь: у крыльца смирно дожидались ещё несколько ребятишек, и мальчишки, и девчонки. Вели они себя на удивление тихо — видать, буянов родители уже дома состроили.

— Да вот, муки взаймы взять, — ответил Гоудань. — Нашей сеянки не хватило, перехватим пока у вас, а как свою намелем — вернём. Это что, их всех под ноль?

Он кивнул на притихшую детвору.

— А то как же, — вздохнул Минъюань. — За один раз всю заразу изведём. Стрижка — дело верное. Да и мелкие они ещё, чтобы порошком их травить, не дай бог в рот потащат. Тут и

наши, и соседские, и родичей дальних привели. У нас-то бритва хорошая, а ножницами так чисто не снимешь, только клочья оставишь.

Рядом на лавке пристроились две молодые невестки. Они увлечённо искали вшей в чьих-то волосах. Поймав паразита или нащупав гниду, они ловко укладывали её на ноготь большого пальца и с силой придавливали вторым. Раздавался сухой, отчётливый щелчок. Этот звук почему-то приносил странное удовлетворение.

Те, кому перебирали пряди, млели то ли от приятного массажа корней волос, то ли от монотонности самого процесса. Головы их бессильно клонились к груди, веки отяжелели.

Когда ручная чистка подходила к концу, голову обсыпали дустом, заплетали косы погорячее и туго укутывали обрезками холстины. Взрослых девок и баб, понятное дело, брить никто бы не стал — не ровнять же их с сопляками.

Гоудань присмотрелся к призывникам и хмыкнул: в очереди сидел Тетоу — внук дедушки Ли. Вот уж диво! Их семейство вроде как в контрах со старой тётушкой. А всё из-за глупого спора об именах. У тётушки внуков народилось без счёта, и по заведённому порядку пацанов кликали металлами: старший — Цзиньтоу, средний — Иньтоу, младший — Тунтоу. И тут у дедушки Ли рождается первенец, которого без затей нарекают Тетоу.

И вышло паскудство: у старой тётушки четвёртый внук на подходе, имя ему по ряду полагалось именно «Железный», а соседи его прямо из-под носа увели. Вслух скандалить не стали, но обиду затаили глубокую. Что за манеры — чужую очерёдность перехватывать?

Да и бабка Тетоу, жена дедушки Ли, оказалась бабой упрямой. Втемяшилось ей в голову назвать старшего внука Железным — и хоть ты тресни! Ещё и причитала, мол, и так обделили дитятко, золотым да серебряным назвать не дали, а имя «Железный» чай не приватизировано. Раз их малец вылез на свет раньше тётушкиного четвёртого, значит, право имеет.

Крупного мордобоя не случилось, но при встречах бабы знатно кривили рты и плевались в сторону. Из-за этой кражи последующих внуков старой тётушке пришлось называть совсем уж сиротливо: Шитоу, Муту, да Течуй.

Гоудань лишь посмеивался про себя над этой страстью непременно лепить к именам слово «башка». Зато путаницы никакой: сразу ясно, чьё отродье по улице носится.

Заметив взгляд Гоуданя, Тетоу потешно втянул голову в плечи. Свои прошлые тумачи от кузена он помнил крепко, но, сообразив, что кругом полно взрослых, осмелел и состроил грозную мину. Гоудань только рот раскрыл, чтобы поддразнить мальчишку, как с заднего двора вышла сама старая тётушка.

— Гоудань, ты ли это? Чего стряслось?

Особое отношение старой тётушки к сироте шло ещё от его покойной матери. Муж тётушки принадлежал к тому же роду Ли, а сама она доводилась двоюродной тётей немой матери Гоуданя. Собственно, именно её веское слово в своё время и помогло сосватать немую в дом Ли Сы.

Родственные связи в деревне — чертовски запутанный клубок. К счастью, тётушка питала искреннюю привязанность к покойной племяннице и сироту её по мере сил старалась не оставлять без призора. По материнскому колену Гоуданю следовало величать её двоюродной бабушкой, но он по старой привычке звал просто тётушкой, ведя счёт родни от отца.

— Тётушка, я за мукой грубого помола, — пояснил он. — Батя завтра в уезд собирается, надо ему в дорогу лепёшек напечь да сухарей насушить. Своих припасов маловато оказалось, вот и пришёл на поклон.

Тётушка обхлопала ладони от налипшей земли:

— Вот оно что, Лао Сы тоже едет. Да я как раз партию стряпни затеяла, могу отщипнуть твоему отцу готового, делов-то.

— Ну уж нет, негоже так, — замотал головой Гоудань. — Брат Минцзун ведь тоже отправляется? Зачем вам лишние хлопоты. Мы заберём муку да дома сами всё сладим.

О том, что сам собирается увязаться за отцом, он благоразумно промолчал. Начни он сейчас хвастать, тётушка мигом поднимет крик и засыплет нотациями, а слушать её воркование Гоуданя терпеть не мог. Минцзун был её младшим сыном, а поскольку мужчин в их доме хватало, от них в уезд снаряжали минимум двоих.

Тётушка кивнула в сторону пристройки:

— А-Сюань, малец, неси сюда лохань. У меня руки по локоть в грязи, сам отсыпь сколько надобно.

— Благодарствую, тётушка, — послушно вызвался Ван Сюань, одарив старушку своей самой обезоруживающей улыбкой.

Старушка так и растаяла:

— Да полно тебе кланяться, негоже в деревне эти городские нежности разводить. Тоже мне, вежливый выискался.

Здесьний люд вежливостью не грешил, пустых политесов вроде «спасибо» да «пожалуйста» отродясь не водилось. Всё просто: нужно дело — говори прямо, без обиняков.

Когда Ван Сюань наполнил лохань до краёв, Гоудань подхватил её с другой стороны.

— Ну, мы пошли, тётушка!

Стоило ребятам скрыться за калиткой, как из дверей сеней выплыла старшая невестка — мать Цзиньтоу. Она на дух не переносила престарелую свекровь за её вечную заботу о семействе Ли Сы. Именно с её подачи её старший сын, Цзиньтоу, с малых лет рос злым на Гоуданя и караулил того за каждым углом, пока сам не угнал зубы в пятки.

— Матушка, опять добро раздаёте? — зашипела невестка, уперев руки в бока. — Семья-то у нас немаленькая, мука за два дня улетает, только и успевай жернова крутить. Кто у нас вместо осла пашет — сыновья ваши! Пожалели бы их спины надрывать.

Обмолот зерна и ручной помол в те времена были каторжным трудом, от которого к вечеру руки не разгибались.

— Больно много ты смыслишь, — сурово осадил её старуха. — Горсть отсыпали, не пообедем. Ли Сы — мужик честный, чужого куса без отдачи в рот не возьмёт. А ты, сноха, кончай зубы точить на каждую крошку. Пока я жива, хозяйство за мной, так что поучи жену щи варить!

Старшая невестка так и задохнулась от обиды. «Надо же, какая благодетельница выискалась! Как чужим раздавать — так широкая душа, а как я родной матушке мешок отрубей снесла, так три дня плешь проедала! Двойные стандарты!» — злобно подумала она. Но перечить свекрови не решилась. Старуха цепко держала бразды правления, да и собственный муж во всём слушался матери. Сжав зубы, сноха крутнулась на пятках и скрылась на кухне, откуда тут же донёсся яростный грохот чугунков.

Старая тётушка лишь брезгливо сплюнула вслед. Ли Сы берёт в долг — и отдаёт вовремя. А эта прорва сколько лет в отчий дом мешками еду таскает? И хоть бы раз те родственнички веточкой укропа отдалили! Чистые волки — только жрут да хапают. Сдалась её сыновьям и внукам такая прорва в родне.

Гоудань о чужих кухонных баталиях не думал — пускай хоть поубивают друг друга. Какое ему дело до злобной бабы, если он договаривался напрямую со старухой? Та невестка его сроду за человека не считала, отчего он её сынку Цзиньтоу бока наминал со всей пролетарской яростью. Если бы не уважение к тётушке, он бы этого недоноска близко к компании не подпустил.

Дома закипела работа. А-Сюань ловко месил тяжёлое тесто, а Гоудань следил за печью и кипятил воду. Когда Ли Сы уставший вернулся с работы, хлопцы уже увлечённо укладывали пышные колобки в паровую корзину.

Горячая лепёшка, пускай и из грубой сеянки, прямо из печи казалась пищей богов. Остывшая она станет твёрдой как подошва, но сейчас так и таяла на языке.

— Эх, — вздохнул Гоудань, облизывая пальцы, — сейчас бы её в сахар помакать...

— С сахаром и гнилая деревяшка мёдом покажется, полдня лизать будешь, — фыркнул А-Сюань.

Его всегда задевали эти мечтательные вздохи названного брата: сахара в доме отродясь не водилось, а от пустых разговоров слюнки текли так, что скулы сводило. Повернувшись к вошедшему отцу семейства, он приветливо замахал ладошкой:

— Дядя Ли Сы, присаживайтесь к столу! Мы и ужин сварганили, сейчас всё поспеет.

А-Сюань отломил краюху горячей лепёшки и бросил под ноги Дагуай и Сяогуай. Псы так и вились вокруг ребят, преданно заглядывая в глаза и тихонько поскуливая. У Ли Сы при виде такой расточительности болезненно сжалось сердце. Сколько лет прошло, а он никак не мог привыкнуть к тому, что драгоценный хлеб скармливают обычным собакам.

— Брат Гоудань, — тихонько спросил А-Сюань, поглаживая шелковистые уши Дагуай, — если мы все уедем в уезд, на кого собак оставим? С голоду ведь опухнут. Но и тащить их в город как-то боязно...

— С собой возьмём, — отрезал Гоудань.

— Малыш, в город с собаками соваться нельзя, — подал голос Ли Сы, устало опускаясь на табурет. — Там свои порядки, мы их не знаем. Поймают живодёры, пустят на жир да мясо — и костей не соберёшь.

А-Сюань испуганно округлил глаза и вцепился в рукав Гоуданя:

— Нельзя отдавать Дагуай и Сяогуай на живодёрню!

— Да кто их тронуть посмеет? — усмехнулся Гоудань, потрепав младшего по плечу. — В нашей округе нет псов сильнее этих двоих, они тут чистые короли. В городе отродясь таких зверей не видели, тамошние пижоны при одном их виде в штаны наложат. Да и если заварушка какая случится — скомандуем им «бежать», они вмиг затаятся, ищи свищи потом.

<http://bllate.org/book/19654/1996708>